funky books

ОПЫТЫ БЕСПРИЮТНОГО НЕБА

18+ • нецензурная брань • сексуальные сцены

Степан Гаврилов

Степан Гаврилов

Опыты бесприютного неба

Серия «Вперед и вверх. Современная проза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42499823
Опыты бесприютного неба / Степан Гаврилов: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-104888-4

Аннотация

Родившимся на излете девяностых прошлое досталось в виде мифа. Иногда героического, иногда – иронического. И кем себя считать – потомком героев или клоуном, – каждый решает сам для себя.

Герои Степана Гаврилова – революционеры без революции.

Получится ли у них изменить мир?

Содержит нецензурную брань!

Степан Гаврилов
Опыты бесприютного неба

I

Ситуация такая: я сжимаю зубы. Только не так, как обычно, не так, как сжимают зубы все люди. Я сжимаю их в руках. Точнее, даже не сами зубы, а сумки с зубами. Я зубонос – сейчас это моя основная работа. Не ой как престижно, не денежно, и, конечно, совсем не то, чем я хотел бы заниматься в жизни, но в целом – сойдет.

Каждый день я встаю в шесть утра и отправляюсь на Обводный канал, в зуботехническую лабораторию. Там меня встречает девушка с потухшим взглядом. Она отдает мне две китайские полиэтиленовые сумки с зубными протезами и адреса стоматологий в спальных районах Питера. До вечера я должен успеть разнести все, иначе людям будет нечем жевать ужин. Если вы захотите вставить зубной протез в одной из стоматологий этого города – будьте уверены, ваш заказ доставлю либо я, либо мой глухонемой коллега, либо латинос Эстебан. Мы ребята опытные, не опаздываем, несем протезы аккуратно. Можно сказать, мы – элитные зубоносы.

Времени подумать у меня много. Я бы сказал даже, что слишком много. Вот и думаешь об чем угодно, только бы не

видеть эти расчерченные тропами бесконечные дворы спальников, а кроме – бетон, бетон, асфальт.

И так, тихой сапой, повспоминав о том и о сем, подходишь к основам. К самому сокровенному, что ли. К началу. А оно там, в том моменте, когда стало впервые по-настоящему стыдно, – именно тогда все и началось.

В первый раз это случилось лет в двенадцать. Вообще, я рос ребенком послушным, но однажды-таки вляпался. На одном из уроков к нам в класс пришел бородатый, кругленький мужик с мощной копной рыжих волос. Он показывал фотографии своего террариума – неведомые ящерицы и прочие пресмыкающиеся обитатели далеких уголков планеты жили в больших стеклянных кубах. Рыжик пригласил нас на экскурсию завтра в десять утра. Я пришел вовремя, меня завораживали веселые существа, которых до этого я видел только на картинках в энциклопедии, – очень хотелось познакомиться с тварями лично, да побыстрее. Дверь была закрыта, хозяин заведения еще не пришел. Зато пришла Лика – бледная костлявая одноклассница. Она всегда ходила с Бондарь – дородной лыжницей, своей подругой, но сегодня была одна. Никто из наших больше не явился – детей заводских рабочих не проймешь такой фигней, как ящерицы, змеи и тритоны. Мы стали ждать с Ликой вдвоем, усевшись на ржавую «радугу» во дворе. Я тут же позабыл о рептилиях – мне очень нравились большие глаза одноклассницы и ее худые бедра. К тому же у Лики стали наклевываться кое-

какие формы. В газетах писали, что раннее созревание – это все от продуктов ГМО. Но в то время в газетах чего только не писали, поэтому я ни о чем не думал, а просто как мог жадно созерцал.

Рыжик не шел, и я предложил Лике прогуляться. В первом же ларьке на мелочь, которую мне оставила мама на обед, я купил мармеладных червей – вроде как компенсация за настоящих тварей, но Лика не стала их есть. Мы проходили мимо моего дома, и я предложил ей зайти.

За то, что было дальше, я не в ответе. Это все раннее половое созревание, продукты ГМО и полное отсутствие эротической грамотности. Допив чай и доев последнего червя, я сказал Лике прямо, что она вызывает во мне известные чувства, и было бы неплохо – ну раз уж экскурсия сорвалась – заняться сексом. Ее бледные щеки зачем-то загорелись, она неуверенно поинтересовалась, что это такое и почему мы должны заниматься этим. Мои долгие объяснения не прошли даром, она слушала внимательно, но в итоге почему-то решительно сказала «нет». Лика спешно спускалась по лестнице, а я махал ей в дверях, пытаясь встать таким образом, чтобы скрыть свой совсем еще мальчишеский стояк.

В школе Лика больше не заговорила со мной ни разу. Зато потом… Но об этом позже, сейчас есть вещи поважнее.

Я почему-то неожиданно заинтересовал Ликину бабушку. На одном из вечеров собрались все родители, мы играли какие-то сценки из «Трех мушкетеров». Я блистал. Особенно

мне удавалось размахивать шпагой на «Пора-пора-порадуемся».

И вот, после выступления бабуля Лики – добропорядочная старушка, единственная живая родственница моей желанной, отвела меня в сторону, сняла свои большие очки и вкрадчиво спросила: «А мама твоя что, не пришла? Мне бы надо с ней поговорить. О твоем поведении». Я опозорил честь мушкетеров – зассал, как последний гугенот. Мама не пришла, и слава Франции! Я сгорал от стыда и еще с месяц плохо спал, представляя, что бабушка Лики все-таки расскажет моей матери «об моем поведении». Приходя вечером домой, я незаметно выключал телефон из сети, чтобы вечером не раздался роковой звонок.

С тех пор мне порой мерещится бледное, морщинистое лицо старой женщины, которая готова съесть меня за проявление весьма прекрасных чувств. Мне кажется, ее старческий лик мог бы стать отличной эмблемой стыда вообще, стать логотипом общественного суда. Портреты этой благородной бабуси можно печатать на красных нарукавниках в белых кружочках и раздавать специально сформированным отрядам по борьбе с проявлением эроса.

У твоего подъезда ночью, в тусклом свете единственного фонаря, останавливается черный воронок. Тук-тук. «Это вы тут предложили вашей однокласснице потрахаться двадцать пятого февраля примерно в одиннадцать тридцать по местному времени? У нас ордер на ваш арест, одевайтесь».

С тех пор я не стыжусь как-то иначе. Любой мой стыд – всего лишь repeat, воспроизведение того щемящего унижения, которое чувствовал я тогда, стоя в коридоре школы в костюме Д'Артаньяна, потирая накладные усы. Это чувство хватает меня в самые неожиданные моменты жизни, в самые яркие и настоящие. Например, когда я, лучший мушкетер за уральским хребтом, разгоряченный, спускаюсь в лучах славы со школьной сцены, или когда стою на раскаленной трассе и ловлю попутку, когда хочу сказать то, что действительно важно. Грубая реальность с лицом благообразной бабуси хватает тебя за плечо в самые чистые минуты – она апеллирует к твоему стыду и хочет поговорить о твоем поведении. Поговорить о твоем поведении! Сиди смирно, хочется трахаться – подрочи, тебе всего двенадцать.

Все, что мне нужно, – задушить это властное, лицемерное создание, поправляющее очки и всматривающееся в самый центр моего черепа. Нет, не совесть ограничивает меня, совесть – это ощущение внутренней целостности. Вот стыд – это стыдно. Это стыд чужой, овечий, его могут генерировать только старики духа – эмоциональные импотенты, у которых может эрегировать лишь один орган – перст указующий.

Меня завораживает полнота жизни тех, кто лишен этого стыда. Кто-то не прилагает никаких усилий к тому, чтобы сделать из своей жизни феерично шоу, один сплошной хеппенинг на диких скоростях, – и все потому, что стыда перст указующий все время проскальзывает мимо них.

Первый человек подобного сорта – Ролан, живший по соседству в городе моего детства – маленьком уральском городке у подножия хребта. Ролан держал в страхе весь район. Знала его каждая псина в округе. Но меня он никогда не трогал, иногда только мог пошутить по поводу длинных волос. И все-таки мы его боялись. На год постарше меня, он выглядел куда как солиднее любого мужика, уже лет с тринадцати брился – о себе давала знать армянская национальность его отца, пропавшего неизвестно когда и как.

После девятого класса Ролан пошел в техникум. Появлялся он там, кажется, всего два раза – первый раз во время поступления. Второй раз он переступил порог альма-матер, когда возвращался с пьянки ночью. Его нашли под утро в дворницкой, вход в которую находился с черного хода. Его пытались разбудить, но это было невозможно. Дворничиха заботливо поставила возле храпящей стокилограммовой туши бутылку с водой и ушла по своим делам. В остальное время он мог ошиваться возле ворот учебного заведения разве что в конце месяца, когда студентам выдавали стипендию. Сам он ее не получал по вполне понятным причинам, однако это не было для него поводом сидеть на голяке. Зачем получать стипендию, когда ее получают другие? В общем, с деньгами в его группе оставались только те, кто пролезал в узкую форточку туалета на втором этаже, – это был единственный способ не встретить Ролана у выхода.

Поражает меня в нем не столько это. Поражает то, на-

сколько он мог обходить любые наказания – приводы к котам, все эти приходы участкового домой были ему что совой об сосну. Он как бы с самого начала, заблаговременно, со всем своим кавказским темпераментом искренне был уверен, что делает все правильно. Разъяснительные беседы? На хую вертел. И ладно бы мелкий грабеж, тут и так понятно, но ведь его не останавливало ничто.

Например. Среди прочих, Ролан обчищал и тощего зубастика Витю Штакета, который никогда не мыл голову. В отличие от других, Витя расставался с казенными бабками легко – ему хватало того, что он зарабатывал на продаже амвеевской химии старушкам. Получив в бухгалтерии степуху, Штакет скатывал купюры элегантной трубочкой и перетягивал это специальной резиночкой. Потом он выходил на крыльцо, поднимал солнцезащитные очки на сальное темечко и принимал непринужденную позу. Его длинные волосы, спаянные в единый сальный колтун, с немалой степенью элегантности вздрагивали, вызывая снегопад перхоти. Далее он проникновенно смотрел на Ролана, загадочно и томно улыбаясь, и, когда тот только собирался что-то спросить, Штакет доставал аккуратную трубочку.

Однажды, в конце очередного месяца, Штакет, традиционно вручив Ролану честно заработанное, пригласил его в пивную, угостил пивом и деликатно сказал визави, что тот низко летает. Что стипендии однокурсников и поездки в соседние города с целью поживиться телефонами малолеток –

это все западло. А вот настоящее дело для пацана его пошиба – это мошенничество с кредитными картами.

Штакет объяснил – тебе не нужно напрягаться. Просто дополни мой стартовый капитал, и я все устрою. Тебе надо будет только раз в месяц ходить и снимать деньги в банке – сказка. Понадобятся левые сим-карты, может быть, пара паспортов, кое-какое компьютерное железо, да и вообще протекция разного характера. Если ты хочешь, это можно совмещать и с дойкой студентов – одно другому не мешает. Ролан почесал жбан, улыбнулся и хлопнул Штакета по плечу, обсыпанному жирной перхотью. Так начался дерзкий и опасный бизнес двух лучших преступников моего города. Темпераментное бесстрашие и ехидная прозорливость, грубая сила и деликатная хитрость объединились в одно.

Еще раз: избавляясь от этого мерзкого и тошнотворного контроля, который накладывает стыд, субъект становится свободным. Все остальное – вкусовщина. Куда он денет эту энергию – на грабежи, изнасилования и поджоги, или там вступит в партию национального спасения Камбоджи – дело десятое. Эта степень свободы никак не коррелирует с эрудицией, интеллектом, моральными принципами и другими вторичными качествами. Я сейчас про раскованность и отсутствие тормозов, а не про то, что такое хорошо и что такое плохо. У Ролана не было врагов, не было даже такой постановы – и поэтому любая битва была для него заранее выигранной.

Понятия не имею, сколько Ролану со Штакетом удалось поднять на этом деле. Факт есть факт: спустя год Ролан с маманей переехали за город и стали разводить перепелок. На какие деньги они смогли купить себе небольшой дом с участком, все эти клетки и пару десятков особей, я не знаю. Одна мама, работающая бухгалтером в небольшой фирме по продаже запчастей для автомобилей «Урал», явно не потянула бы такое приобретение.

С мелкой преступностью мой бывший сосед не завязал, вроде бы, наоборот, даже расширил сферы деятельности. Студентов он оставил, зато теперь промышлял ворованными тачками. На своей фазенде Ролан перебивал номера и перекрашивал недорогие модели «Жигулей» и старых иномарок, их пригоняли ему пацаны из соседнего города. Машинка выезжала из ворот дома как новенькая, оставалось только тормознуть возле речки и отмыть ее от перепелиного говна.

Вообще, Ролан любил тачки всегда. Помню, как лет в пятнадцать мы с друзьями скинулись и купили «Запорожец». Старенький дед в гаражном кооперативе продал нам вполне ходовую машину за пятьсот рублей. Правда, легендарная тачка была без сидений – это нас не расстраивало, все равно водить из нас никто не умел. Зато это было первое наше авто! Красивая, мускулистая, глазастая, коренастая, маленькая и юркая машинка. Своя! Настроение у всей компании было такое, будто мы приобрели космический шаттл. Тогда, в пятнадцать лет, действительно можно было улететь к звез-

дам на «Запорожце».

Мы перегоняли нашу ласточку по узким улочкам гаражных рядов, навалившись на нее всей гурьбой, – благо вес «за́пора» позволял вполне быстро гнать его с заглушенным мотором. Нам оставалась пара поворотов до бокса нашего друга, когда из одного гаража показался Ролан. Мне это сразу не понравилось. Он был хорошенько пьян, но оживился, увидев нас. Поздоровавшись, Ролан спросил, есть ли бенз, и, не дождавшись ответа, полез в машину. Осмотрев салон, он выругался, высунулся обратно и поспешил в гараж. Оттуда послышались грохот, лязг, а затем Ролан вышел из пыльного мрака с четырьмя маленькими табуретками в руках.

Смотрелся он в этом «запоре» гордо и основательно – огромный шестнадцатилетний дядька на табуретке. Ему приходилось слегка нагибать голову, он тупо не влезал. Мы, офигев от страха, уселись кто на табуреточки, кто на голую, ржавую жесть и помчались по лабиринтам бесконечных гаражей – они тянутся в городе моего детства на многие километры, образуя идеальный полигон для драк, грабежей, разбоя и вообще всего старого доброго ультранасилия.

Коты остановили нас, когда «запор» выруливал из одного кооператива и сворачивал в другой. «Ни прав, ни хуя. Пьяный еще, поди?» Ролан весело смотрел на него. «Давайте, мужики, вылезаем», – скомандовал старлей лет пятидесяти и шлепнул по капоту. Мы, и так вне себя от скоростной езды, на ватных ногах вылезли из нашего «Запорожца». «По-

хорошему, – примирительно сказал гаишник, – идите домой, получите права, покатаетесь». Мы развернулись и поплелись вдоль гаражей, оставив нашу первую машину, – одиссея закончилась, космические врата захлопнулись. Но Ролан не спешил. Он закурил, сунулся в салон, вытащил табуретки, сложил их стопочкой, закинул на плечо и, улыбаясь, пошел вслед за нами. «Э! Как я тебе поеду?» – крикнул ему старлей. «Как хочешь. Не ебет», – спокойно ответил Ролан и эффектно сбил пепел ногтем указательного пальца.

Через пару минут мы тихонечко ехали по главной улице гаражного кооператива, а старлей провожал нас каким-то даже завистливым взглядом. «Съебнули отсюда быстро», – сказал он на прощание. Вывернув в соседние гаражи, на всякий случай глянув в зеркало заднего вида и убедившись, что старлей нас больше не пасет, наш рулевой дал газу, и кирпичные стены уже привычно замельтешили за мутными стеклами «Запорожца».

Закончилось это абсурдное роадмуви чуть позже, после того, как мы взяли пива, – Ролан тут же сделал нас должными, мол, без меня куковали бы сейчас на ноге, а то и вовсе в отделении. На одном длинном, пустом участке Ролан захотел проверить задний ход и с места вдавил педаль в пол. «Запорожец» сначала ехал ровно, потом на каком-то валуне его закрутило и резко увело вбок. Пейзаж за окном злобно дернулся. Раздался лязг. Нас всех бросило в заднее стекло машины и сверху придавило Роланом. Все в разлитом пиве,

поту, ржавчине и грязи, мы выбрались из машины. «Запорожец» въехал жопой в ворота чьего-то гаража. Бодро навалившись, мы стали толкать тачку вперед, но кромка двери, сделанной из тонкого листа железа, вошла в багажник машины почти до половины. Нас буквально насадило на дверь. «Как, сука, нож в масло», – сказал Серега, сплевывая кровь из разбитой губы.

«Запорожец» больше не заводился – сильно повредился мотор, расположенный у этого чуда отечественного автопрома известно где. Так мы дружно толкали машинку, а Ролан шел сбоку и попивал остатки пива. Кто-то из нас снял куртку и накрыл искореженный металл. Быстро, что было мочи, мы вытолкали «Запорожец» с улочки, аккуратно сбросили его в овраг и закидали крапивой. Благо на этом участке нам не попался ни один автомобилист или прохожий.

Мы вернулись посмотреть нашу машину на следующий день. Ее не было. Я отыскал Ролана и спросил, не знает ли он чего о пропаже. «Продал, братан, – ответил он просто, закуривая вишневый Captain Black, – за косарь продал. Я его пока у себя оставлю? Отдам послезавтра, мне бабки нужны». Конечно, ни наших денег, ни тем более машины мы больше никогда не увидели.

Даже больше – у меня после этого никогда и не было не то что машины, а даже желания ее иметь. Я легко расстался с этой мечтой.

Кстати, деньги и «Запорожец» – не единственная вещь,

которую должен мне Ролан. Один раз он встретил меня во дворе. Я шел домой с диском модной тогда группы System Of a Down.

– Че это? – спросил Ролан и внимательно посмотрел на обложку диска.

Тут он помолчал, подумал, а потом задумчиво прибавил, показывая на гитариста группы:

– На моего двоюродного братана из Еревана похож!

– Ролан, они армяне, – объяснил я, – американские армяне.

Диск он мне так и не вернул.

Возвращаясь к истории про финансовые махинации. Кардерское дело – рискованное и непредсказуемое. Насколько я знаю, деньги такие ребята выводили у клиентов банков других стран, поэтому вероятность, что за тебя примутся коты, была очень небольшая. Но она была. Когда Ролана взяли приехавшие из области фээсбэшники, он долго сопротивлялся. Уходил в отказ и угрожал сотрудникам, что сейчас позвонит своему брату, «чья фамилия тоже заканчивается на – ян». Брат у него работал в ППС, поэтому мужики в костюмах добродушно переглядывались. Выйти на Штакета им не удавалось – тот использовал какую-то непростую систему шифрования айпи-адресов. Ролана же нашли легко: он каждый месяц появлялся в отделении банка, чтобы забрать со счета тыренные у честных обывателей иностранных государств бабки.

Он молчал дня три. Потом к нему в камеру зашел красивый, крепко сложенный человек в гражданском. Кажется, он был как минимум наполовину турок. Человек говорил ровно и четко, но когда представился, то имя и должность назвал так, как и все эти люди, – ничего не разберешь. Турок взял оранжевое издание «Айвенго», которое принесла в камеру мать Ролана, раскрыл его, вытащил из нагрудного кармана неплохую ручку и начертил на внутренней стороне обложки пару табличек и пару столбиков цифр. Все это представляло собой нехитрую юридическую арифметику. Выходило, что если Ролан рассказывает силовикам, с кем имел дело, то освобождается условно и возвращается к своим машинам и перепелкам. Если нет – едет лет так на – дцать шить рукавицы. «Автосалон свой на замок закроешь, – улыбнулся идеальными зубами турок, – и никаких перепелок». Ролан заговорил.

Штакета повязали в этот же день и доставили в Москву специальным самолетом. О том, как его задерживали, ходили целые легенды. Говорили, что был оцеплен весь район, а отряд спецназначения влетел к нему на канатах в окно. «Как в ГэТэА», – рассказывали пацаны на районе.

После суда, на котором нашего джигита защищал недешевый адвокат из области, Ролан тоже не задержался в городе. Оказалось, что за пару месяцев до событий он стал оформлять себе путешествие по ворк-эн-тревел. Как он прошел консула, как сдал экзамен на знание языка, как собрал все

необходимые документы – загадка. Вся эта история с прикрытием лавочки никак не повлияла на его затею, вроде как даже наоборот, дала необходимый импульс.

В Штаты он улетел в начале июня. Однокурсники, которые полетели с ним, рассказывают, что он вообще не работал, сразу же пропал, а появлялся только на пляже, да и то редко – либо с похмелья, либо накуренный, либо и то и другое и исключительно в обществе шпаны негроидной расы. Когда группе студентов пришла пора улетать назад, его ожидаемо не нашли.

«Ебаные дали», – говорил он про чужие страны. В тот вечер, пока мы вели мятый «Запорожец» по гаражам, он что-то рассуждал про вооруженный конфликт в Южной Осетии и постоянно говорил это: «Ебаные дали». По его рассуждениям выходило, что одни «ебаные дали» напали на другие «ебаные дали» – вот и вся геополитика.

Последние прилетевшие про него сведения были примерно такие. Сначала он открыл свою фирму – устраивал домашние и офисные переезды, неплохо поднялся, снял офис в деловой части города. Он даже нашел себе упитанную американку и, видимо, готовился к получению грин-карты, потому что весь его профиль в известной американской соцсети был залеплен однообразными романтическими селфи с ней: нехитрая такая имитация высоких чувств. Но потом им заинтересовалась тамошняя миграционная служба. Пока его готовили к депортации, он сидел в тюрьме. Там связь с ним

и оборвалась – кто-то говорил, что он сломал челюсть какому-то монголу. Тот пел ему «чебурашка-дружочек» каждый вечер, и вот однажды Ролан не выдержал.

Где он был и куда сгинул? Затерялся где-то в «ебаных далях». Может быть, его убили в американской тюрьме. Без стыда, гордо и по-своему феерично – думается мне, что если он умирал, то именно так. Десятки, сотни тощих, безусых монголов, поющих «чебурашка-дружочек, что ж ты сел в уголочек», налетали на него – армянского богатыря, родом из маленького южноуральского городка, – и он беспощадно швырял одного за другим об стены и пол, но орда все наступала. И он отбивался до последнего. Уже в предсмертных судорогах, прежде чем испустить последний вздох, извиваясь от жутких болей на тюремном полу, он сломал позвоночник еще двум потомкам Чингисхана.

Через какое-то время после пропажи Ролана его маман продала дом, перепелок и пропала из города. Вероятно, она вышла замуж и уехала – эта немолодая женщина была весьма хороша собой. Но я думаю, дело в другом. Не зря в последний раз ее видели выходящей с вечерних курсов английского языка.

Проще говоря: Ролан делал все, что хотел. Глупо, наверное, и выводить закон Вселенной из жизни гопника-армянина. И не то чтобы он для меня «герой», но определенно – «нашего времени». В том смысле, что срать он хотел на все условности: наличие законов, границ государств, морально-

го долга. На инертность этого времени в том числе.

Он был и остается здесь и сейчас. А я, сколько себя помню, всегда рос в вечном ощущении, что «лучшее, конечно, позади». Мне внушали это с рождения и будто даже ставили в вину. Еще из своей детской коляски я смотрел, как первое десятилетие постсоветской России несется по улицам, поедая все, что осталось от прошлого. Если кто-то задумает экскурсию по моему родному городу, то каждый рассказ будет начинаться с фразы «а вот тут раньше было». Не есть, не будет, а было. Скорбная ностальгия возведена в мазохистский принцип – это доминирующая, фоновая эмоция всех, кто хотя бы месяцем своей жизни застал неведомое лучшее прошлое.

Я называю это «объедки времени». Все, что не доедено лангольерами, старательно оплакивается. И выигрывает в этой мазохистской игре тот, кто больше других проебал.

В Вечном возвращении нет ни капли ужаса, это было бы спасением для меня: ведь если есть Вечное возвращение, снова были бы эпохи, о которых я читал и грезил. Никакого напряга, если можно было бы вернуться, я бы расслабился. Но нет, у меня есть только объедки времени.

Именно поэтому меня нисколько не волнует, что я родился в тот год, когда стало понятно – Союз полностью развалился, адьос! Я никогда не видел в этом хоть какой-то значимости – именно потому, что на место этих событий может быть поставлено любое другое.

Первый и единственный раз отец дал мне по жопе в августе 91-го, когда по Москве шли танки. Он слушал радио, напряженно вслушивался в эфир, когда я, недавно научившийся ходить, вошел на кухню и стал лопотать. Разнервничавшийся папа шлепнул меня и отправил назад по коридору. Вот и все, что я могу сказать о развале Союза. Все остальное мне не интересно. Ни споры либералов со сталинистами, ни бесконечные «Generation “P”», ни прочие «Все идет по плану», спетые на все мотивы и лады, ни особенно мерзкая ностальгия, – ни о какой из этих вещей я не хочу высказаться.

Просто есть процессы более глобальные. Например, волнует меня больше всего то, что, когда я родился, кто-то из лучших умов планеты сказал, что постмодернизм умер. Незавидная доля – родиться в то время, когда констатировали смерть философского направления, рефлексировавшего над смертью всей культуры человечества. Это что получается, теперь невозможна даже ирония? Если представить постмодерн как пляску на костях культуры, то я не поспел даже на нее.

Вероятно, этой мыслью был охвачен один персонаж, встретившийся мне на днях в магазине. Я зашел в обычный супермаркет и сразу заметил, что спокойствие в райке консюмеризма подорвано. Работники магазина, преимущественно пожилые среднеазиатские женщины с большими лицами, встревоженно смотрели вглубь зала и короткими репликами переговаривались друг с другом. Я вынул наушник

и услышал грохот. Скоро мне открылась причина всеобщего беспокойства: в центре помещения, у полок с книгами орудовал парень. Исхудалый вид, потертая, поношенная одежда, футболка с логотипом макарон «Макфа», длинные волосы, прикрепленные к кромке большой лысины, – все это выдавало в нем человека крайне неустроенного. Под его ногами вповалку были разбросаны книги. Парень сам же и сбросил их туда. Он крутил глазами и иногда застывал в нерешительной, неестественной позе, как будто бы ожидая ответа или пытаясь понять, где он. Потом выкрикивал: «А вот так?!», и сбрасывал еще пару книг на пол. Хватая очередную книжонку – в супермаркетах на этих местах расположены дешевые романы с яркими обложками – парень поднимал ее над головой и кричал: «Я спрашиваю, это что, литература? Это? Да это дерьмо! Елейный яд!» С этими словами книга отлетала на пол или в соседнюю полку с памперсами.

Никто к нему не подходил. Узбечки продолжали перемигиваться и тревожно смотреть на буяна. За кассой невозмутимо обслуживала покупателей белесая, бесформенная женщина неопределенных лет. Пенсионерки, слонявшиеся по залу, беспрестанно кудахтали: «Шалый, пьяный».

– Три года! Я полтора года писал, а потом еще полтора года слушал этого мудилу-редактора! Посмотрите, это же говно, а не литература! Тираж? Сколько?

Бедолага не унимался, яростно открывал последнюю страницу романа какой-нибудь серии «Спецназ», выискивал вы-

ходные данные и почти шепотом выдыхал в равнодушно-притихшее пространство супермаркета:

– Пять тысяч! Пять! – потом он яростной скороговоркой произносил: – Я договаривался на три! Всего-то на три… Да будет «Спецназ»!

И книга опять летела на пол. Сцена продолжалась максимум минут десять. Я был заворожен этим разрушительным шиваистским экстазом несчастного и не мог сдвинуться с места, просто стоял и сжимал в руках сумки с зубами (вообще-то я спешил). Тяжелые, черные и проворные, будто молодые медведи, охранники молча вошли в двери, большими бесшумными тенями скользнули к парню и легкими движениями скрутили его пополам, а потом и вовсе втопили доходягу в мягкую массу растрепанных книг под ногами. Щелкнули наручники.

– Пять тысяч! Три года! Елейный яд! Что вы смотрите на меня?

Его вытолкали в двери и усадили в машину. На полу лежала большая куча карманных изданий. Этот сумасшедший оставил внушительный беспорядок. Общая атмосфера индифферентной настороженности, быстрота, с которой вся эта сцена закончилась, еще больше удивили меня. Парнишка почти не наделал шума – вокруг него жизнь не замедлилась и не убыстрилась. Чего не хватает ему? Я думаю, системы. Сейчас это выглядит как нервный срыв сломавшегося человека, а ведь могло стать мощным проектом. Я вижу тысячи

партизан, живущих под прикрытием в разных уголках страны и вылезающих на свет только для точечных акций. Одетые в футболки с логотипом «Макфа», эти герильи врываются в супермаркеты, торговые центры и переворачивают полки с китчем. Летят в последний полет садовые гномы с лицами умственно отсталых пенсионеров, звенит их керамическое тело, разлетаясь на куски. Репродукции картин Кустодиева острыми углами прошивают коробки с наборами вышивания по цифрам. Самое веселье всегда в книжном, потому что результаты непредсказуемы. Один партизан и Набокова за китч почитает, а другой Коэльо не тронет. Это главное правило акций: что есть китч, определяется спонтанной интуицией. После погрома эти берсерки вкуса хором выкрикивают: «Елейный яд!» и скрываются через черные ходы магазинов, как отважные военные крысы. Никакой политики, никакого пиара и никаких интервью либеральным изданиям, никаких заявок на международные гранты для художников – только действие. Бессмысленное, разрушительное, экстатическое – по нему мы и отличим своих воинов.

Только война. Проблема в том, что нет никакого вражеского войска – есть черная гуща, дьявольская тоска, липкая, как просроченный резиновый клей, как гудрон, который мы в детстве жевали (а я как-то вылепил из такого косулю и подарил ее женщине, наградившей меня первым в жизни поцелуем). Я бы хотел повести отряды смертников против апатии и ангедонии. Я выберу лучших бойцов. Подрывате-

лей: торговцев наркотиками, священников, трикстеров, садомазохистов, повернутых на сексе и оккультизме ублюдков. Авиацию: философов, поэтов, городских сумасшедших всех мастей, пассивных гомосексуалистов. Пехоту: музыкантов, художников-акционистов, очень плохих артистов стендапа, учителей труда. Я выряжу всех в такие же костюмы, как у дадаиста Хуго Балля, – это будет униформа *нашего*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.